

ФРАЗЕОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ КОСМИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (с использованием материалов словаря «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.»)

Мелерович Алина Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, amelерович@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Якимов Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aleyakim@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6269-094X>

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологии, репрезентирующей космический хронотоп в пространстве русской поэтической картины мира в дискурсе поэзии XIX–XXI вв. на материале концептуальной парадигмы «человек – земной шар – космос». Рассматриваются особенности системной организации, своеобразие концептообразующего и стилиобразующего функционирования основных компонентов выявленной концептуальной парадигмы в контексте отдельных поэтических произведений и в границах определенного поэтического дискурса, представленного в словаре «Фразеологизмы в русской поэзии» (СФРП) рядом стихотворений поэтов XIX – начала XXI вв., теми произведениями, в которых данная концептосфера получила образное и философски обобщенное выражение. Особо рассматривается поэтическое воплощение нашедших образное отражение в данном поэтическом дискурсе основных идей, на базе которых группируются анализируемые фразеологические обороты: идея антропоцентризма, идея бессмертия и жизни в вечности, идея посмертного награждения человека бессмертием за его земные подвиги, идея подвижничества природы поэтического вдохновения.

Ключевые слова: антропоцентризм, вечность, белый свет, подлунный мир, земной шар, солнечный шар, Млечный Путь, поэтический хронотоп, поэтическая фразеология, поэтический дискурс, космический хронотоп, поэтическая картина мира, категории пространства и времени, концептуальная парадигма, концептосфера, космос, Вселенная, сферическое пространство.

Благодарности: Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

Для цитирования: Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология, репрезентирующая космический хронотоп в пространстве русской поэтической картины мира (с использованием материалов словаря «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 114–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-114-132>

PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING COSMIC CHRONOTOPE
IN THE RUSSIAN POETIC WORLDVIEW
(including the materials from the dictionary „Phraseological units
in the Russian poetry of the 19th – 21st centuries“)

Alina M. Melerovich, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, amelerovich@mail.ru

Valerij M. Mokienko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Alexander Y. Yakimov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aleyakim@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6269-094X>

Abstract. This article is devoted to the study of phraseological units that represent the cosmic chronotope in the Russian poetic world view in the poetry discourse of the 19th – 21st centuries, based on the conceptual paradigm “human – globe – space”. The article considers the peculiarities of the system organisation, the originality of the concept-forming and style-forming functioning of the main components of the conceptual paradigm within the context of some particular poetry and within a certain poetic discourse, presented by a number of poems of the 19th – early 21st centuries in the dictionary “Phraseological Units in Russian Poetry”. The choice of poetry is determined by a descriptive and philosophically generalised expression of the concept. The biggest attention is paid to the way the main ideas, that are figuratively reflected in this poetic discourse, are realised. The considered phraseological units are grouped around the following ideas – anthropocentrism, immortality and life in eternity, posthumously reward for a person’s lifetime exploits, ascetic nature of inspiration.

Keywords: anthropocentrism, eternity, wide world, sublunar realm, globe, solar globe, Milky Way, poetic chronotope, poetic phraseology, poetic discourse, cosmic chronotope, poetic worldview, categories of space and time, conceptual paradigm, conceptsphere, space, universe, spherical area.

Acknowledgments: The research is being carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) “Biblical Heritage of East Slavic Languages in Linguocultural and Lexicographical Interpretation (Large Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblical Words)”

For citation: Melerovich A.M., Mokienko V.M., Yakimov A.Y. Phraseological units representing cosmic chronotope in the Russian poetic worldview (including the materials from the dictionary „Phraseological units in the Russian poetry of the 19th – 21st centuries“). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 114–132 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-114-132>

Исследование языкового строя поэтических произведений в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах выявляет особенности преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии, ведёт к обнаружению языковых образов, наиболее рельефно отражающих поэтическую картину мира. Категории «Пространство» и «Время» являются важнейшими составляющими картины мира, ключевыми концептами культуры, вербализуемыми лексикой, фразеологией, запечатленными в грамматике языка. Все явления действительности, всё сущее в мире воспринимается сквозь призму концептуальной модели времени, нашедшей отражение в системах языковых знаков и форм. Время неотделимо от пространства. Постигая и осваивая пространство, человек «находит себя в нём, т.е. начинает творить по образу и подобию пространственных форм» [Трессидер: 331]. Любой художественный текст образует упорядоченный мир, обладая своим особым хронотопом, своими временными и пространственными параметрами. По М.М. Бахтину, сущность хронотопа определяется неразрывностью времени и пространства: время

в художественном тексте «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же <...> втягивается в движение времени, сюжета, истории» [Бахтин: 10].

В языковых моделях хронотопа нашли яркое отражение признаки антропоцентричности: «Жизнь человеческая просматривается сквозь призму модели времени: *утро жизни* (о юности), *закат жизни* (о старости) и под.» [Маслова: 74].

Среди микросистем, организующих пространство русской поэтической картины мира, особое место принадлежит концептосфере, репрезентирующей космический хронотоп, наиболее ярко представленный концептуальной парадигмой, условно обозначаемой наименованиями основных её констант: «человек – земной шар – космос (Вселенная)». Данная концептосфера служит выражению космического мироощущения, идеи сопричастности человека космическому пространству и времени.

Рассмотрим особенности системной организации, своеобразие концептообразующего и стилообразующего функционирования основных компонентов выделенной концептуальной парадигмы в контексте

отдельных поэтических произведений и в границах определённого поэтического дискурса, представленного в словаре «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.» стихами Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Мандельштама, Окуджавы, Левитанского, Высоцкого и др. – теми поэтическими произведениями, в которых данная концептосфера получила наиболее наглядно-образное и философски обобщённое воплощение.

Так, в поэтическом дискурсе ФЕ *во время оно*, отражая идею изначальности существования явлений, передаёт неразрывную связь времён. См. следующие употребления ФЕ *во время оно* в стихах Л. Миллер:

И сыплются, сыплются с тополя, с клена
Осенние листья *со времени она*,
И каждый по ветру летит, окрылён...
«И лист, покружившись, летит с паутины...»

Все эти времена лихие,
Все времена,
Как листья прошуршат сухие.
На письма
Похож узор на листьях клёна.
Роняет клён
И нынче, как *во время оно*,
Поток письмён.

«Все эти времена лихие...»

В представленных поэтических контекстах оборот *во время оно* (*со времени оно*) выражает концептуальное содержание «с незапамятных времён, ныне и навсегда». Вариант *со времени она* в стихотворении кажется поэтической инновацией. Тем не менее он в какой-то мере – рефлекс системы склонения старославянского местоимения *оно* ‘то’, имевшего формы *он, она, оно; оный, она, оно*. Ср. *в оны дни* и другие подобные устаревшие выражения. В Евангелии *во время оно* значит ‘в то время’.

В стихотворении «Все эти времена глухие...» сравнение узора листьев клёна с «потокотом письмён» глубоко символично: здесь образ «потокотом письмён» создаёт аллюзию на изначальные смыслы-символы мироздания. Ср. с употреблением ФЕ *во время оно* в стихотворении «Сказка» (роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») в контексте фразеологической конфигурации, создающей сказочно-мифологический хронотоп:

Встарь, *во время оно*,
В сказочном краю
Пробирался конный
Степью, по репью.

Он спешил на сечу,
А в степной пыли

Тёмный лес навстречу
Вырастал вдали.

Здесь время и место действия – «неопределённо далёкое прошлое и некий “сказочный край”» [Власов: 49].

В стихах современного поэта и философа А.И. Аргутинского-Долгорукого нашла отражение созданная им «Философия планетаризма», поэтическая версия которой связана с идеями многопланетной цивилизации землян, развитием планетарного сознания [Аргутинский-Долгорукий]. В стихах Аргутинского-Долгорукого представлен вневременной хронотопический план *вечности* как вбирающий в себя земное время и позволяющий «взглянуть на то, что происходит в истории, извне, т. е. с метаисторической точки зрения» [Волков, Поликарпов: 190].

Рассмотрим примеры употреблений ФЕ *альфа и омега*, играющей ключевую роль в создании вневременного, космического хронотопа в ряде стихотворений Аргутинского-Долгорукого:

В темно-синей душе латимерий
Так безоблачен, юн океан...
И с улыбкою зрит капитан
Смутный образ отпавших империй.
<...>

Победитель над родом своим,
Где же *альфа твоя и омега?*
Думу думает он – нелюдим
И последним ступает с ковчега.

«Победитель»

Здесь оборот *альфа твоя и омега* обозначает основы жизни человека, его индивидуального существования. Он употреблён в контексте, характеризующем вневременное существование «победителя над родом своим» – капитана, одиноко странствующего в бескрайнем космосе, живущего вне законов земного времени и пространства. Ср. со следующим употреблением данной ФЕ:

Что не спишь, мой товарищ пилот?
Кончился тяжкий удел ожидания –
вот и летит за предел обитания
смело влекомый тобой звездолёт!
<...>

Альфой, омегой нашего братства –
тот дорогой и единственный тост:
за небожителей этого царства –
воспоминание Солнца и звезд.

«Что не спишь, мой товарищ пилот?...»

Под «*альфой, омегой нашего братства*» подразумеваются основы духовного единения пилотов *звезд*

долёта, покидающего «предел обитания», свою Галактику, пространство «небожителей этого царства», которое для пилотов – исследователей Вселенной остаётся лишь «воспоминанием Солнца и звёзд».

В следующей фразеологической конфигурации оборот *меж альфой и омегой* обозначает межзвёздное пространство Вселенной, в «кругопространстве» которого вселенский хаос («Хаос-бог») «запер звездолёт»:

Напрасно мозг мой ищет снисхожденья
и мысль высокая волнуется вотще,
на дерзкий зов, на взлет стихотворенья
лишь ветхий миф откликнется в душе.

Сангвиник Ной командует ковчегом,
астрофилософ нить свою прядет,
но Хаос-бог *меж альфой и омегой*
в кругопространстве запер звездолет.

«Напрасно мозг мой ищет снисхожденья...»

Примечательно, что здесь обозначается пространство вселенной, её форма – «кругопространство», а космический, вневременной хронотоп проступает сквозь призму восприятия землян, в котором философско-гносеологический план сопоставляется с мифологическим – «сангвиник Ной командует ковчегом» и земной *астрофилософ* уподоблен персонажам древнегреческих мифов мойрам, прядущим нить человеческой жизни.

В рассмотренных употреблениях присутствует архетипический хронотоп, обусловленный актуализацией внутренней формы ФЕ *альфа и омега*. Источник этого выражения – библейская новозаветная книга «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь» (Откр. 1: 8); «Я есмь Альфа и Омега, первый и последний» (Откр. 1: 10). Символика оппозиции «первый: последний» связана с названием первой (*α* «альфа») и последней (*ω* «омега») букв греческого алфавита. Употребляясь вместе, *альфа и омега* символизируют единство, целостность пространства, времени и духа. При характеристике архетипического хронотопа мы опираемся на положение М. Бахтина, согласно которому «хронотопичен всякий художественно-литературный образ. Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)» [Бахтин: 185]. В рассмотренных употреблениях ФЕ *альфа и омега* такой перенос осуществляется в контексте фразеологических конфигураций. При этом, как можно заметить, древняя алфавитная

символика данного выражения в поэтическом контексте «возносится» до космических высот. И это не случайно, ибо в астрономии уже давно она используется для обозначения ярких звезд – ср. *Альфа Центавра, α Центавра* – тройная звёздная система в созвездии Центавра или *Альфа Водолея*, или Садалмелик, – вторая по яркости звезда в созвездии Водолея.

В поэзии находит отражение циклическое время, соответствующее космологическому сознанию. См., например, крылатую фразу *Всё возвращается на круги своя* («Всё в природе повторяется, возобновляется; происходит снова, заново; всё когда-то начнется вновь»), восходящую к Библии (Еккл. 1: 6). В соответствующем месте Библии имеется в виду ветер, дующий сначала на юг, потом на север и затем – вновь возвращающийся на то место (свои круги), с которого он начинал дуть.

В стихотворении В. Высоцкого «Я вам расскажу про то, что будет...» воспроизведен архетипический образ данного выражения, служащий основой представления о далёком будущем Земли как о возвращении к её изначальному состоянию:

Я вам расскажу про то, что будет,
Вам такие приоткрою дали!..
Пусть меня историки осудят
За непонимание спирали.
Возвратятся на свои на круги
Ураганы поздно или рано,
И, как сырмятные подруги,
Льды затамят брюхо океану.

В контексте стихотворения Ю. Левитанского «Окрестности, пригород – как этот город зовется...» оборот *нельзя возвращаться на круги* приобретает глубоко индивидуализированное концептуальное содержание, передавая одновременно невольное стремление возврата к прошлому и осознание тщетности этого стремления, его неосуществимости:

Чего мы тут ищем? У нас опускаются руки.
Нельзя возвращаться, нельзя возвращаться на круги...
Мы с прошлым простились, и незачем дальше прощаться.
Нельзя возвращаться на круги, нельзя возвращаться.

Здесь оборот *нельзя возвращаться на круги* служит созданию философско-психологического хронотопа, абстрагированного от архетипического образного плана данного выражения.

В употреблениях ряда фразеологизмов в поэзии наблюдаются трансформации, отражающие взаимозамену и совмещение в их смысловом содержании временных и пространственных понятий. Ср., например: *за тридцать земель и за тридцать лет* (В. Солоухин), *из-за тридцать буйных ве-*

ков (С. Городецкий), *за тридевять земель и двадцать лет* (М. Цветаева); *старый шар земной* (В. Луговской). На базе автономно осмысленных компонентов ФЕ *танцевать от печки*, внутренняя форма которой включает сему пространства, в стихотворении Б. Слуцкого «Танцы» создан оборот *танец новейший от печки, которую сложат в тридцатом столетье, быть может*, служащий символом обновленного мировосприятия, предвосхищающего будущее.

Парадигма «человек – земной шар – космос (Вселенная)» в поэзии основана на представлении о неразрывном единстве мира природы и духовного мира человека. Стремление найти место человека в пространстве Вселенной всегда являлось для поэтов важнейшим стимулом своего собственного открытия мира, его творческого познания и освоения.

Неслучайно поэтому концепты «Время» – «Пространство» во фразеологии представлены чрезвычайно многообразно, отражая их в дальнобойной ретроспективе [Мокиенко 1990; Мокиенко 2005]. Концепт «Время» при этом многогранно отразился в метафорике и особенно – в идиоматике и паремииологии многих народов. В русской фразеологии, например, такие обороты (частично интернациональные), как *время не ждёт, час пробил, денно и ночью, сутки напролёт, от зари до зари* и мн. др. составляют значимую долю общего фразеологического фонда [Мокиенко 2005: 6–95].

Пространственная модель мироздания, созданная языковыми образами русской поэзии, наиболее рельефно выявляется в образах, отражающих сферическую форму космоса, небесных тел, их круговое, вращательное движение.

В поэзии Ф. Тютчева сферическая форма Солнца, Земли, звезд актуализируется рядом олицетворяющих генетивных метафор – *глава земли, глава солнца, главы звезд*, особенно отчетливо проявляющих мифопоэтическое видение космоса: *Уж солнца раскаленный шар / с главы своей земля скатила* («Летний вечер»); *Уж звезды светлые взошли / и тяготеющий над нами / небесный свод приподняли / своими влажными главами*.

В стихотворении Тютчева «Как океан объемлет шар земной...» сферичность передается рядом фразеологизмов и лексем:

Как океан объемлет *шар земной*,
Земная жизнь кругом объята снами...

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Здесь фразеологизмы, слова, предикативные конструкции, выражающие идею круга, сферы, множат

образы сферичности, создавая целостное, объемное ощущение всеединства космического пространства.

В стихотворении Блока «Шар раскалённый, золотой...» словом *пространство* именуется часть вселенной как арена бытия двух космических шаров – Солнца и Земли, каждый из которых отражает в пространстве свой конус: Солнце – «луч огромный», Земля – «длинный конус тени темной»:

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит *шар другой*.
Таков наш безначальный мир.
Сей конус – наша ночь земная.
За ней опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

Первую строфу, представляющую взгляд из космоса, перефразирует вторая, представляющая «наш безначальный мир» одновременно в двух ракурсах – земном и космическом.

Сходная метафора динамически разворачивается в другом стихотворении:

Я вдруг увидел *шар огромный*,
Плывущий в красной тишине.
А. Блок. «Я встал, и трижды поднял руки...»

Образное видение сферического пространства, актуализация образа *земного шара* часто проявляется в характерных для этого фразеологического наименования Земли трансформациях – инверсии и перифразировании, расширении компонентного состава ФЕ *земной шар*, при котором на первый план выступает образ сферы, шара (ср.: *шар, тяжелый шар земной, шар земли*). См., например:

На плоту уплывающем стоя,
Огибая речную излучку,
Древней руны руно золотое
Перекинула я через руку. <...>
И плыла я и пела: «Недаром
Шар земли называется шаром;
Оттого, что земля неквадратна,
Я всегда приплываю обратно».

Н. Матвеева. Песня в песне

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда *тяжелый шар земной*
Не уплывет под нашими ногами.

М. Цветаева. «Мне нравится...»

Движение Земли в космосе наиболее часто передают глаголы *вращаться* и *вертеться*. Движущийся

во Вселенной олицетворенный земной шар метонимически символизирует жизнь человека и человечества:

Покуда в вечной суете
Не надоест Земле *вращаться*,
Всегда рискуешь оказаться
Иль под щитом, иль на щите.
Н. Олев. Прощай, веселый пароход

Шар земной, устав вращаться,
Может вдруг с цепи сорваться,
Иль ко всем чертям взорваться,
Н. Олев. «Превратив живое в тлен...»

В стихотворении Р. Рождественского «Сейчас весна в походе» использован оборот, формулирующий закон *земного шара*, суть которого – в корреляции между скоростью вращения Земли и «яростными пожарами», иносказательно передающими трагические события истории человечества:

Горение, горение! –
Закон земного шара.
И чем Земля быстрее,
Тем яростней пожары...

В стихотворении А.И. Аргутинского–Долгорукого «Странствуют храмы искусства...» отражены «вращения» земного шара и всего сущего на нём:

Странствуют храмы искусства,
где остановится взгляд:
там продвижение густо
или взято наугад?

Вот уж да Винчи, Мурильо,
взгляд в небесах просвещён.
Разума взмахи и крылья –
на перекрестках имён.

И на вращениях шара
сколько священной зари!
Отблески, ритмы пожаров,
выжженных вдоль изнутри.

Свое философское видение законов единства природного мира и земной жизни человека – от первого осознания своего бытия до смерти, «от первого прозрения» «до последней черты» представлено Б. Окуджавой в стихотворении «Всему времечко свое...»:

Всему времечко свое: лить дождю, *земле вращаться*,
знать, где первое прозреньё, где последняя черта.

В стихотворении А. Тарковского «Белый день» представлена образная символика единения челове-

ка со Вселенной, постижение законов мироздания для всего в нем сущего и имеющего быть выражено символическими образами «натяжения шарового» Вселенной и «орбиты круговой» ещё не зачатого ребёнка:

Во вселенной наш разум счастливый
Ненадёжное строит жильё,
Люди, звёзды и ангелы живы
Шаровым натяженьем её.
Мы ещё не зачали ребёнка,
А уже у него под ногой
В никуда выгибается плёнка
На орбите его круговой.

В поэзии афоризмы, основанные на использовании языковых ФЕ, базируются на аллюзии, на ассоциациях с космическим видением земного шара (со взглядом из космоса), с образом вращающейся Земли. Между прочим, символика вращения Земли, столь ярко воспеваемая поэтами, имплицитно синкретизм пространственного концепта с темпоральным: ведь этимологически рус. *Время* и прасл. **vertę* расшифровывается именно как 'коловоращение', 'кружение', 'повторное возвращение', 'вечный оборот' и т. п. Ср. однокоренные глаголы рус. *вертеть*, др.-инд. *vart* 'вертеться', 'кружиться'. В индоевропейской ретроспективе исходным значением славянского обозначения времени могло быть и.-е. *'uertmen* 'колесо' или 'орбита', т. е. как движение по кругу [Черных 1993, 1: 171]. Здесь символы макрокосма и микрокосма, объемно-наглядные и предельно индивидуализированные, слиты в нераздельной целостности.

Так, в стихотворении М. Лисянского «В гостях» воспета жизнь *под высокой крышей небосвода*:

жизнь, где в малой капельке нектара
из благоухающих громад
всех цветов и трав земного шара
заклочён волшебный аромат.

Посредством отражения в предельно малом неobjятного и прекрасного, измеряемого масштабами всего *земного шара*, поэт рисует глобальный образ цветущей земной природы.

Философское соположение макрокосма и микрокосма отражается в поэтической картине мира рядом конкретизированных идей, концептов в характерном для поэтического видения их наглядно-образном преломлении.

Метафорическое изображение планеты Земля представлено в стихотворении Р. Рождественского «Ксени». Поэтически осмысленный образ «пронзительного шара земного» символизирует предстоящую каждому человеку перспективу с возрастом постепенно осваивать, «узнавать» земной шар:

Ты пока что не знаешь, как *пронзителен шар земной*. Что такое «светло» – не знаешь. Что такое «темно». Что такое «весна». (Хотя родилась ты весной). Что такое «снег». (Хотя снега полным-полно). Целый час ты живёшь на планете...

Неразрешимое противоречие между доскональным, скрупулёзным изучением земного шара (см. авторский афоризм на основе развёрнутой метафоры: *Распялен шар земной на карты и на схемы*), «своим» открытием мира каждым рождённым на Земле человеком и неизбежностью утраты им этих знаний с приходом смерти отражено в стихотворении В. Шефнера «Старинный пакетбот, погибший в Зейдер-зее...»:

Распялен шар земной на карты и на схемы,
Известны острова и устья дальних рек,
Известны все пути, все пристани, – но *все мы Мир открываем вновь, чтоб утратить навек.*

В стихотворении Н. Хикмета звучит призыв к освоению земного шара и космического пространства для будущего, для счастья новых поколений:

*Дадим шар земной детям, дадим хоть на день,
Дадим, как раскрашенный шарик, пусть с ним играют,
Пусть играют и песни поют среди звёзд.*

Фразеологизм рефрена песни «Мы за мир!» С. Туликова на слова А. Жарова (*Не бывать войне-пожару, Не пылать земному шару!*) в СССР стал и до сих пор остаётся одним из ярких и динамичных лозунгов борцов за мир:

Мы за мир! И песню эту
Понесём, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит.
Смелей, вперёд, за мир!
*Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!*
Наша воля твёрже, чем гранит.

В песне О. Фельцмана на стихи В. Сергеева «Фронтовики, наденьте ордена» используется ин-тертекстуальный повтор оборота *не пылать земному шару* (ср. предыдущее употребление ФЕ *земной шар*):

Чтоб *не пылать земному шару* снова,
Солдатской крови пролито сполна...
Чтоб помнил враг урок войны суровой,
Фронтовики, наденьте ордена!

В стихотворении Л. Мартынова «Вознёсся в космос человек» отражена давняя мечта человека об освоении космического пространства, об «овладении» «секретом неба» на благо человечества:

*Вознёсся
В космос человек,
Но это вовсе не побег
Из повседневности земной.
Вознёсся
В космос человек,
Секретом неба овладел,
И возвратился человек,
И снова Землю оглядел: –
Напрашивается масса дел!*

По моделям земного шара, шара земли в поэзии создаются перифразы *солнечный шар* и *шар солнца*, а также образные индивидуально-авторские перифрастические обороты *шар огневой*; *огненный шар раскалённый*, *светило дня*, *как шар огня* и т. п.

В стихотворении «Тригорское» Н.М. Языков создаёт две поэтические перифразы Солнца:

Бывало, в царственном покое
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым.

В стихотворении «Две картины» поэт употребляет перифрастический оборот *светило дня, как шар огня*:

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним *светило дня*
Из синих вод, *как шар огня,*
Встаёт в торжественном покое.

См. также в цитированном стихотворении А. Блока яркие поэтические перифразы Солнца: *шар раскалённый*, *золотой* и *планета золотая*.

Ярко, зримо представлен перифрастический образ *огненный шар раскалённый* в стихотворении Б. Ахмадулиной:

*Светает! И огненный шар раскалённый
встаёт из-за моря... Скорее – знамёна!
Возжаждала воли душа
и, раннею ранью, отвесной тропею,
раненой ланью спеша,
летит к водопою...*

Б. Ахмадулина. Скорее – знамёна!

См. также образную перифразу Солнца в стихотворении П. Вяземского «Первый снег»:

*И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдыстыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.*

В стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого «Воспоминания о Костроме» употреблён оборот *дымчатый шар неземной* как перифрастический синоним наименования ещё одной планеты Солнечной системы – Луны (Селены). Поэт обращается к Луне от имени её «завтрашних» первопроходцев:

Селена! Мы всё ещё те же,
но завтра на купол иной
мы смело шагнем из манежа
на дымчатый шар неземной.

Здесь отражена давняя мечта человека об освоении извечного спутника нашей планеты, тысячелетиями привлекающего внимание землян.

Окказиональная ФЕ *голубой шарик* в стихотворении Б. Окуджавы образована на основе контаминации образов воздушного шарика и земного шара. В стихотворении аллегорически сопоставляется хронотоп человеческой жизни с движением «голубого шарика» Земли в пространстве и во времени:

Девочка плачет: шарик улетел.
Её утешают, а шарик летит.
Девушка плачет: жениха всё нет,
Её утешают, а шарик летит.
Женщина плачет: муж ушёл к другой.
Её утешают, а шарик летит.
Плачет старушка: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.

Б. Окуджава. Голубой шарик

Космический хронотоп включает также ряд употреблений фразеологизмов *небесный свод*, *небесный купол*, связанных с идеями вечности и бесконечности. В СФРП зафиксирована ФЕ *небесный свод* (*небосвод*, *свод неба*, *свод небес*) (книжн., высок.), передающая узуальное значение «открытое небо над головой до линии горизонта, представляющееся по форме необъятным сводом, куполом», а также образные обороты с ключевым компонентом *купол* (см. *небесный купол*, *купол светлых небес*, *купол синий* – «небо над головой, воспринимаемое как имеющее форму купола»).

В контексте стихотворения В. Шефнера «Своды» оборот *свод небесный* как «вечный свод... / На миллиарды лет пронизанный мирами» употреблён в сопоставлении со сводами темницы, кельи, гробницы:

Пусть тать отбудет срок, покинет свод темницы,
Пусть Лазарь, воскресая, покинет свод гробницы,

Пусть Нестор кончит труд под сводом кельи тесной, –
И вновь над ними свод, на этот раз – небесный.
Последний, вечный свод над ними и над нами,
На миллиарды лет пронизанный мирами.
Метну в его простор фотонную ракету –
Но нет пределов тьме и нет предела свету.
О, как мне разглядеть неясный лик природы?
Куда ни погляжу – повсюду своды, своды...
И даже свод небес разгадке не поможет:
Ведь это тоже свод, – а дальше, дальше что же?

Аллегорически оборот *небесный свод* употребляется в поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри»:

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

В контексте развёрнутой метафоры ФЕ *свод небес* употреблена в стихотворении П. Вяземского «Ночь на Босфоре»:

Вспыхнул свод небес под огнём лампад;
Всех красавиц звёзд не обхватит взгляд...

Аллегорическое представление структуры небесного свода в индивидуальном восприятии поэта находим в стихотворении С. Липкина «Литературное воспоминание»:

Нарушен был планетный обиход:
В два яруса вставал небесный свод.
Мне озером казался верхний ярус,
Челн самолёта в нём купал свой парус,
А в нижнем краснопалая рука
Как бы остановила облака.

Обороты *небесный свод* и т. п. обозначения видимой части неба над горизонтом базируются на метафорическом переносе. На их основе рождаются поэтические сочетания *Воздушный свод*, *под сводом облачных небес* (А. Ахматова. Вечер), *голубого неба своды* (А. Фет), *белый свод* (С. Липкин), *небесные своды* (А. Аргутинский-Долгорукий) и др.

См. также ФЕ *волшебный купол-небосвод* в функции поэтической перифразы имени существительного *небосвод* в стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого; в поэтическом контексте строка *канун неведомых открытий*, перифразирующая оборот *волшебный*

купол-небосвод. Ср. с завершающим стихотворение оборотом *венец свершившихся событий* в роли перифразы повторяющегося оборота *вечерний звон*.

Влечёт заоблачное море!
Случайный вечности итог,
сверкнёт витраж пурпурно-синий,
и ностальгический цветок
смиряет огненный поток,
храня узор пылавших линий.
Жизнестремительный кристалл,
как ты дрожишь в ладони тесной!
В прозрачной завязи отвесной
астральный разум заблистал.
Честь вдохновенной и наитий,
предвосхищающих полёт...
*Волшебный купол-небосвод,
канун неведомых открытий.
Вечерний звон, вечерний звон –
венец свершившихся событий.*
А.И. Аргутинский-Долгорукий. Собор

Поэтическую перифразу небосвода *купол светлых небес* представил в своём стихотворении «У сгнившей лесной избушки...» Н. Рубцов:

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.
Летят журавли высоко
Под *куполом светлых небес*,
И лодка, шурша осокой,
Плывёт по каналу в лес.
И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с лёгким свистом
Слетает прохладный лист,
И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под *куполом светлых небес*.

Ещё одну перифразу имени *небосвод – купол синий* – находим у А. Блока:

Кубок-факел брошу в *купол синий* –
Расплеснётся млечный путь.
Ты одна взойдёшь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.
Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.
А. Блок. «Шлейф, забрызганный звёздами...»

В стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого «В тревогах роковых гаданий...», посвящённом М.Ю. Лермонтову, употреблена поэтическая перифраза небосвода *шатёр небес*:

В тревогах роковых гаданий мелькал неясно образ твой.
Чреда каких воспоминаний предуготовлена судьбой?
Послушник сумрачного «Мцыри», куда лилась душа твоя?
Внимали царственные шири журчанью светлого ручья.
Шатёр небес, приют лазурный во тьме таинственно мерцал.
И голос твой печально-юный меня оттуда звал и звал.

Яркий образ поэтов-странников, «разлетающихся по земле» под *небесными шатрами*, А.И. Аргутинский-Долгорукий создаёт в стихотворении «Цыгане».

Все мы, милые, цыгане,
те, кто с песней на крыле.
Под *небесными шатрами*
в перезвонах со звездами
разлетимся по Земле!

Наряду с выделенными константами рассматриваемой космической парадигмы и их вариантами в русской поэзии употребляется ряд их поэтических синонимов, перифраз, представленных в СФРП в отдельных словарных статьях. Рассмотрим некоторые из них.

Оборот *белый свет* в СФРП определяется как «планета Земля со всем существующим на ней; мир, вселенная».

См. актуализацию этого образа в стихотворении Б. Ахмадулиной «Весной, весной, в её начале...»: «окружающий человека мир, пространство; земля как сфера обитания человечества»:

Когда я на неё глядела,
я думала: не зря, о, нет,
а для таинственного дела
мы рождены на *белый свет*.

В следующем употреблении оборота *белый свет* находим совмещение значений: «окружающий человека мир, природа» и «местность, покрытая снегом».

Стоит зима, бодра,
Ложится редкий снег.
Я с белого бугра
Смотрю на *белый свет*.
А он и вправду бел.
И разгоняет кровь
Тех, кто остался цел,
Тех, кто родился вновь.
К. Ваншенкин. «Тот, кто остался жив...»

Оборот *белый свет* употребляется в составе афоризмов в представленных ниже фразеологических конфигурациях.

В стихотворении «Ушли родные старики...» К. Ваншенкина передан взгляд на белый свет с позиций позднего возраста:

Нет больше тех, кто старше нас,
Их нет и нет на белом свете.
Ещё скажу вам в горький час:
Они давно уж были дети –
И огорчали много раз,
И радовали в годы эти.

В контексте авторского афоризма оборот *белый свет* передаёт также потребность поэта в творчестве, необъяснимую жажду творчества (стихотворение):

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.
А. Тарковский. «На белом свете чуда нет...»

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту.
А. Тарковский. Рифма

В тексте стихотворения Н.Н. Глазкова обнаруживаем сопоставление контрастно воспринимаемых явлений; антитезу белого и чёрного (ср. *белый свет* и *ночи, чёрные, как сажа*).

Зачем нужны на белом свете
Свирепый холод, буйный ветер,
И дождь двухмесячного стажа,
И ночи, чёрные, как сажа?
Н. Глазков. «Зачем нужны на белом свете...»

У Евгения Рейна в стихотворении «Алмазы навсегда» находим индивидуально-авторский оборот-оксюморон *чёрный белый свет*. В поэтическом контексте прилагательное *белый* употреблено одновременно как компонент условной номинации Земли, мира и как буквальное наименование белого в противоположность чёрному. Прилагательное *чёрный* приобретает резко отрицательный смысл по отношению к *белому свету* как миру, окружающему человека, миру, в котором обитает человечество:

Когда я вышел, было очень пусто,
все разошлись с попок новогодних

и спали пьяным сном в своих постелях,
в чужих постелях, на вагонных полках,
в подъездах и отелях, и тогда
Григорьева я вспомнил поговорку.
Сто лет назад услышал он её,
когда у Оппенгеймера в конторе
учился он брильянтовому делу.
О, эта поговорка ювелиров,
брильянтщиков, предателей,
убийц из-за угла и шлюх шикарных:
«Нет ничего на чёрном белом свете.
Алмазы есть. Алмазы навсегда».

В контексте стихотворения Л. Миллер «Закливание» эпитет *белый* употребляется символически по отношению к потенциально безгреховному миру. Именно таким – безгреховным, «не знавшим вех, подобных бойне и распятью», – является мир, называемый *белым светом*, а «единственный и светлый» грех в нём – «зачатье» новой жизни.

Земля бела. И купола Белы
под белыми снегами.
Что может приключиться с нами?
– Чисты и мысли, и дела
В том мире, где досталось жить,
Который назван *белым светом*,
Где меж запорошённых веток
Струится солнечная нить;
Где с первых дней во все века
Дела свершаются бескровно
И годы протекают ровно,
И длань судьбы всегда легка,
Как хлопья, что с небес летят
На землю, где под кровлей снежной
Мать держит на ладонях нежных
На свет рождённое дитя,
На белый свет, не знавший вех,
Подобных бойне и распятью,
Резне и смуте. Где *зачатье*
Единственный и светлый грех.

Шутливо-аллегорически оборот *белый свет* в значении «планета Земля» употреблён в стихотворении В. Солоухина «Та минута была золотая»:

Все опасности *белого света*
Начинались на этом лугу.
Мне подсунула камень планета
На втором от рожденья шагу.
И упал, и заплакал, наверно,
И барахтался в тёплой пыли...

В стихотворении В. Шефнера «Стремясь в несбыточные дали...» отражено движение души человека:

Путь бытия она проходит,
В себе замкнув весь *белый свет*, –
И вновь к самой себе приходит –
Не на поклон, а на совет.

В стихотворении А. Межирова «Человек живёт на белом свете...» фразеологический повтор (*человек живёт на белом свете*) вводит тему сопоставления контрастных (обыденных и трагических) сторон человеческой жизни:

Человек живёт на белом свете.
Где – не знаю. Суть совсем не в том.
Я – лежу в пристрелянном кювете,
Он – с мороза входит в тёплый дом.
Человек живёт на белом свете,
Он – в квартиру поднялся уже.
Я – лежу в пристрелянном кювете
На перебомблённом рубеже.
Человек живёт на белом свете.
Он – в квартире зажигает свет.
Я – лежу в пристрелянном кювете,
Я – вмерзаю в ледяной кювет.
Я лежу в пристрелянном кювете.
Я к земле сквозь тусклый лед приник...
Человек живёт на белом свете –
Мой далекий отсвет! Мой двойник.

В стихотворении Б. Ахмадулиной «Главы из поэмы» метонимически переосмысленный оборот *белый свет* репрезентирует значение «население всего земного шара», под «всеобщей виной» в контексте стихотворения понимается вина человечества:

Прощалось и невежде, и лгуну
– какая разница?
– пред *белым светом*,
позволив нам не хлопотать об этом,
он искупал всеобщую вину.

Исходное значение у сочетания *белый свет* – «яркий дневной свет». Слово *свет* у славян уже в глубокой древности имело и пространственное значение – «окружающий мир, вселенная». Позднее это значение получило всё сочетание в целом. Такому переосмыслению способствовало мифологическое противопоставление «этого» света, т. е. светлого, солнечного мира живых, «тому» свету – темному царству мертвых. В образовании оборота немалую роль сыграла и положительная символика белого цвета в русском языке. С точки зрения древнерусской эстетики белое лицо, белые руки и белое тело являлись неременным условием человеческой красоты. Такая символическая окрашенность – отражение древнейшего цветового противопоставления: *белый* (положительный) – *черный* (отрицательный). Выражение извест-

но многим славянским языкам: бел. *белы* (*Божы свет*, укр. *білий світ*, болг. *бял свет*, х/с *bijeli svijet*. Ср. нем. *das Licht der Welt erblicken* (букв. появиться на белый свет 'быть опубликованным'); латыш. *baltā pasaule* (букв. белый свет); лит. *margas pasaulis* (букв. пестрый свет) и т. п.

Оборот *подлунный мир* манифестирует значение «земной шар, планета Земля и человечество».

Об участии *подлунного мира* в поэтическом творчестве пишет А.И. Аргутинский-Долгорукий в произведении «Гётенаум. Диалогическая поэма. Пролог» (см. ФЕ в поэтическом тексте):

Веленьем судеб правит вероятность.
Домашний чёрт – отнюдь не Асмодей.
Мчи, Адольфино, в ярмарку идей!
Подлунный мир расцветивает кратность.
Вращая смыслы рифмой виртуозной,
проложим путь эпохе грациозной!

Выражение *подлунный мир* образовано по модели, известной в XVIII–XIX вв.: в *подсолнечной*, в *подлунной*, в *подоблачной*, в *поднебесной* – «на земле, во вселенной». Ср.: «Так думает иной Затеиник, / Что он в подсолнечной гремит...» (И.А. Крылов. Муравей). Ср. также: *под луною* – «на земле». Выражение употреблялось в XIX в. и в переводе В. Шекспира: «О роза майская, Офелия, о ты / Прелестнейший цветок во всей подлунной» (Гамлет). См. использование выражения *подлунный мир* в «Памятнике» А.С. Пушкина, где актуализированы две составляющие основного значения оборота:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в *подлунном мире*
Жив будет хоть один пиит.

Оборот *Божий мир* является синонимом ФЕ *подлунный мир*, отражающим христианское представление от том, что творцом мира является Бог:

Как мил мне *Божий мир*!
В набухших облаках
Прогалины лазури тонкой,
И пятна бузины – как кровь на локотках
В кустах бегущего внуочка,

И дождь, когда влажна крапива у оград
И пижмы жёлтое суконце,
И кажется, что лес – не лес, а вертоград,
И, как вино, вкушаешь солнце...
С. Липкин. Вячеславу. Жизнь переделкинская

ФЕ *Божий свет*, поэтический синоним фразеологизмов *подлунный мир* и *Божий мир*, находим

в стихотворении С. Липкина «Литературное воспоминание»:

Сердечных не любивший излиятий,
Насмешник и остряк, как все южане,
Нагнулся, обхватил меня рукой,
От слёз и снега мокрою щекой
К моей щеке неловко прикоснулся.
Иль *Божий свет* опять на миг проснулся
В незрячем? Иль буран грядущих лет
Провидит оком голубя поэт?

Обороты *подлунный мир*, *Божий мир*, *Божий свет* употреблены как поэтические перифразы наименований *Земной шар*, *планета Земля*, а также слова *человечество*. Выражение *Божий свет* в рассматриваемом поэтическом употреблении реализует буквальное значение компонента *свет* в сочетании с определением *Божий*: «Иль Божий свет опять на миг проснулся / В незрячем...»

Ярким романтическим образом, репрезентирующим важнейший компонент космического хронотопа в пространстве русской поэтической картины мира, представлено устойчивое словосочетание *Млечный Путь* – «скопление огромного количества звёзд и туманностей, представляющееся невооружённому глазу светлой полосой неправильной формы, растянутой по небесному своду». Приведём ряд употреблений этого оборота, служащих обозначением и образным представлением Млечного Пути в стихах А. Блока.

В стихотворении А. Блока оборот *шлейф, забрызганный звездами* является метафорической поэтической перифразой оборота *Млечный Путь*. Индивидуально-авторское *расплеснётся Млечный Путь* развивает художественный образ уподоблением Млечного Пути потоку, готовому «расплеснуться» по небосводу. Наконец, форма множественного числа инвариантной ФЕ *млечные пути* манифестирует в контексте стихотворения скопления огромного количества звёзд и туманностей, представляющиеся невооружённому глазу светлыми, сверкающими полосами на ночном небе.

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землёй и небесами
Вихрем поднятый костёр.
Жизнь и смерть в круженье вечном,
Вся – в шелках тугих –
Ты – *путям* открыта *млечным*,
Скрыта в тучах грозových.
Пали душевные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты – рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий –
Расплеснётся млечный путь.
Ты одна взойдёшь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.
Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.
А. Блок. «Шлейф, забрызганный звездами...»

В стихотворении А. Блока «Твоё лицо бледней, чем было...» находим представление Млечного Пути как «суждённого магу серебряного узкого пояса»:

Комета! Я прочёл в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под чёрным шёлком узнаю!
Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!
Не медли, в тёмных теньях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс –
Суждённый магу млечный путь.

В другом стихотворении А. Блока *Млечный Путь* предстаёт в виде поэтической перифразы «*ленты млечной*»:

И я затянут *Лентой млечной!*
Тобой обманут, О, Вечность!
Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!
Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

А. Блок. В снегах

В стихотворении А. Блока «Я в дольний мир вошла, как в ложу...» *Млечный Путь* представлен в виде горящего серебром «узкого пояса» – «млечной стези», «звёзды мечтаний нежных»:

Я – звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроясь,
Ты горишь, мой узкий пояс
Млечная стезя!

В стихотворении А. Блока «В час глухой разлуки с морем...» *Млечный Путь* также представлен сверкающим («горящим») млечным поясом «серебристой звезды»:

Протекут ещё мгновенья,
Канут в тёмные века.
Будут новые виденья,
Будет старая тоска.
И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, –
Как *горит* твой *млечный пояс!*
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Образное представление *Млечного Пути* у А. Блока воплощает и *млечная лента*, которой охвачена голова мага, «простёртого над миром бранным», и *млечная стезя*, по которой «в бледно-фосфорном сияньи / Ночь плывёт путём цариц».

*Маг, простёрт над миром бранным,
В млечной ленте – голова.
Знаки поздних поколений –
Счастье дальнего волхва.
Поднялась стезёю млечной,
Осиянная – плывёт.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.
В длинном чёрном одеянье,
В сонме чёрных колесниц,
В бледно-фосфорном сияньи –
Ночь плывёт путем цариц.*

А. Блок. Ночь.

Название *Млечного Пути* восходит к древнегреческой легенде о молоке священной козы Амалфеи, которая в одном из греческих мифов спасла от голодной смерти Зевса. Примерно 150 миллиардов звёзд, составляющих его, – это капельки молока козы – кормилицы Зевса. По мнению древних писателей, например Сервия, созвездие Козерога из цикла зодиака – не что иное, как Амалфея. А *Млечный Путь* – её богатый удой. Сочетание *Млечный Путь* кажется таким же русским, как и *Большая Медведица*. Однако так же как и последнее, это название – лишь перевод древнегреческого *γαλακτίας κύκλος*: *gala, galaktos* ‘молоко’, *kyklos* ‘круг, цикл, путь’. В русских же диалектах *Млечный Путь* зовут *Моисеевой дорогой*, *Батыевой дорогой*, *Птичьим путём*, *Дорогами*, *Путями*, *Улицами*, *Поясами на небе*; в украинском языке – *Чумацким шляхом*, в шведском – *Зимней улицей*, во вьетнамском – *Серебряной рекой*, в мансийском – *Лыжной дорогой мужчины из племени Мось*, а в якутском – *Следом, оставленным добрым духом*,

когда он шёл по небу на лыжах. И каждое из названий эти народы воспели в поэтических мифах, не менее красивых, чем миф о козе Амалфея [Мокиенко 2016].

Ведущей идеей, объединяющей концептуальную парадигму «человек – земной шар – космос (Вселенная)», является идея антропоцентризма, часто определяющая антропоморфность структуры языковых образов. Антропоцентризм как воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий, заложен в мифопоэтических пространственных представлениях о мировом древе и таких его функциональных эквивалентах, как *человек-великан*, *мировой столп*, *пуп земли*.

Среди поэтических произведений, отражающих антропоцентрическое видение вселенной, стихотворение Эд. Межелайтиса «Человек» выделяется особой изобразительной яркостью и силой воплощенной в нем идеи. Человек, гиперболически изображенный во весь свой космический рост, предстает как буквализированное воплощение центра мироздания:

*В шар земной упираясь ногами,
солнца шар я держу на руках.
Так стою, меж двумя шарами –
солнечным и земным. <...>
Я – как мост меж землею и солнцем.*

Здесь микрокосм вырастает до пределов макрокосма: Человек – Вселенная направляет движение Земли и Солнца. Из недр своего мозга Человек выплавляет

*корабли, бороздящие море,
поезда, обвившие сушу,
продолжение птиц – самолеты
и развитие молний – ракеты.*

Голова Человека уподоблена одновременно шару земному и шару солнца:

*Это все я добыл из круглой,
словно шар земной, головы.
Голова моя – шар солнца,
излучающий свет и счастье,
оживляющий все земное,
заселяющий землю людьми.*

Человек-Космос сочетает в себе энергию природного мира и могущество животворящего, одухотворяющего природу разума. В нем заключена космическая мощь Творца, созидающего все материальные и духовные ценности.

В стихотворении Н. Матвеевой «Сон. Душа вещей» создан антропоцентрический образ учёного, творящего на благо человечества, совершающего

открытия космического масштаба. Представленный аллегорически, ученый предстаёт «хрупким человеком», который «стал посреди всего земного шара»:

Вбежал какой-то хрупкий человек,
 Стал посреди всего земного шара,
 С лицом усталым, как весенний снег,
 Подтаивший от близости пожара.
 «Нашёл! – он крикнул. – Эврика! – как брат,
 раскрыв народам быстрые объятья,
 – Я знал, я знал, что входят в яд и ад
 Противоядьё и противоадыё!
 Не будет взрыва! Атомы за нас!
 Да будет жизнь! Вы будете, я буду!
 Я сделал ВСЁ! И завершил – Сейчас.
 Да! – в этот миг. В предельную минуту».

Антропоцентрический образ «председателя земного шара» представлен в стихотворении Б. Слуцкого «Председатель... Гр. Титникову». В начале стихотворения показано изменение в облике, в поведении бывшего «Председателя земного шара» в связи с утратой этой «должности»:

*Председатель земного шара –
 Всех морей его и держав
 Попросил картуз поддержать.
 Спичка вспыхнула, задрожала,*

*Озаряя лицо председателя:
 Шрамы, стимулы, тормоза
 И глядящие наблюдательно
 Председательские глаза*

В следующей строфе видим изменение отношения «Председателя» ко всему, что ему было подвластно согласно формуле «был» – «стал», смену его позиции, назначения:

*Был он бодрым, а стал – небодрым.
 Был он гордым, а стал он – добрым.
 И – ни править ему, ни карать,
 Только тихий архив разбирать.*

В эпилоге представлено превращение претензий на «властительство шаром этим земным» – «в попустительство малым хлопотам очередным» и «тихое вращение» больше не возглавляемого «Председателем» земного шара.

В стихотворении В. Солоухина «Человек пешком идёт по земле» представлены разнообразные повторы: лексико-синтаксический параллелизм; эпифорические повторы (*метр – расстояние; километр – расстояние; шар земной – расстояние; Человек пешком идёт по земле*), отражающие, подчёркивающие динамику человеческой жизни. Человек энергично и упорно обходит земной шар, ему всё по силам:

Человек пешком идёт по земле,
 Вот сейчас он правую ногу
 Переставит ещё на полметра вперёд.
 А потом – ещё на полметра вперёд
 Переставит левую ногу.
 Метр – расстояние.
 Километр – расстояние.
Шар земной – расстояние.
 Человеку тепло. Он снимает кепку.
 Человек пешком по земле идёт,
 Палкой стучит о дорогу.

В стихотворении «Новый год» В. Луговского аллегорически изображена символизирующая революционные изменения в мире «вся в красном женщина-Коммуна», держащая в ладонях «старый шар земной»:

*И видел я в ту ночь, как из морей
 Кровавых, из потоков слёз горячих
 Встаёт вся в красном женщина-Коммуна,
 Держа в ладонях *старый шар земной.**

Обобщающий «планетарный» образ человечества, уподобление сотворения человека творению миров, сопоставление состояния человека с состоянием потерянного в мироздании «кружащегося» шара находим в стихотворении И. Бродского «Я был только тем...»:

*Я был только тем,
 чего ты касалась ладонью,
 над чем в глухую, воронью
 ночь склоняла чело.
 <...>
 Так творятся миры.
 Так, сотворив, их часто
 оставляют вращаться,
 расточая дары.
 Так, бросаем то в жар,
 то в холод, то в свет, то в темень,
 в мирозданьи потерян,
 кружится шар.*

В стихотворении А. Тарковского «Малютка-жизнь» передано восприятие земной жизни человека как драгоценной «малютки-жизни», при всех её тяготах противостоящей смерти, символически представленной как полёт «вниз головой в пространство мировое, шаровое»:

*Терзай меня, – не изменюсь в лице,
 Жизнь хороша – особенно в конце,
 Хоть под дождём и без гроша в кармане,
 Хоть в Судный день – с иглою в гортани.
 А! Это сон! Малютка-жизнь, дыши,
 Возьми мои последние гроши,*

Не опускай меня вниз головою
 В пространство мировое, шаровое!
 А. Тарковский. Малютка-жизнь

В стихотворении В. Высоцкого «Мы вращаем Землю» передано ощущение органической, неразрывной связи человека со своей планетой, полного слияния с ней и её подчинения воле стремящегося к победе солдата:

Я ступни свои сзади оставил.
 Мимоходом по мёртвым скорбя, –
 Шар земной я вращаю локтями –
 От себя, от себя!
 В. Высоцкий. Мы вращаем Землю

В ряде поэтических употреблений оборот *земной шар* представлен в метонимическом значении «все люди, все народы, человечество». Например, в образном контексте стихотворения Е. Винокурова фразеологизм *земной шар* с дистантно расположенными компонентами употреблён в применении к «континенту», к человечеству:

Земным овладевая шаром, –
 Покой? Да где он? Нет как нет! –
 Сенсация лесным пожаром
 уж охватила континент.
 Е. Винокуров. Из иностранной тетради

В стихотворении О. Мандельштама оборот *шар земной* трансформирован структурно и семантически. В контексте авторской перифразы он манифестирует олицетворённый собирательный образ ветеранов войн на всём земном шаре:

Хорошо умирает пехота,
 И поёт хорошо хор ночной
 Над улыбкой приплюснутой Швейка,
 И над птичьим копьём Дон-Кихота,
 И над рыцарской птичьей плюсной.
 И дружит с человеком калека:
 Им обоим найдётся работа.
 И стучит по околицам века
 Костылей деревянных семейка:
 – Эй, товарищество – шар земной!
 О. Мандельштам. Стихи о неизвестном солдате

В стихотворении И. Шкляревского создан шуточно-иронический образ земного шара в рамках развёрнутой метонимии двух пространственно размежёванных половин человечества:

Синеет лужа на дороге чёрной,
 Чернеет ворон в синеве просторной.

Представишь под собою шар земной –
 и задохнёшься!
 Там вниз головой почти полчеловечества
 повисло.
 Но убеждать их в этом нету смысла.
 Им кажется, что это мы висим.
 И потому совсем не страшно им!
 И. Шкляревский. «Официально парк ещё закрыт»

Здесь посредством комбинаций цветовых символов поэт создаёт образный фон стихотворения, на котором шуточно представлены диаметрально противоположные позиции «двух половин» человечества.

Вселенная – грандиозная сущность, тысячелетиями вдохновляющая поэтов Земли, творчество многих из них пронизано космическими образами.

Так, в стихотворении А. Власова «Поэзия сродни волне...» космическое пространство предстает как соприродное поэзии. Оно наполняется, формируется, «достраивается» ею. Дух творчества придает завершенность и конечный смысл всему сущему и космосу в целом:

Поэзия сродни волне.
 Она не средство и не цель,
 самодостаточна вполне.

Но без неё бездонный Космос –
 провал, не Бездна даже – просто
 провал,
 зияющий, как щель,
 пустой и недоовоплощенный...<...>

... Да, брэнностью не пренебречь,
 да, беспощадная в стремленье
 все за собой во тьму увлечь,
 река времен, поток забвенья
 текла и вечно будет течь, –
 но будет и звучать –
 сверяя
 свой ритм с дыханием прибора
 и это гулкое, слепое
 пространство одухотворяя –
 поэта сбивчивая речь.

Поэзия как высшая форма духовного созидания объединяет пространство и время. Жизнь поэта-творца – жизнь для вечности и в вечности.

Тема поэтического подвига, дарующего поэту вечность, звучит в стихотворении Б. Окуджавы «О кузнечиках»:

Два кузнечика зеленых пишут белые стихи. <...>
 Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
 шар земной на повороте отвратительно скрипит...

Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той,
и сквозь всякие обиды прорываются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...

Здесь поэтическое вдохновение противопоставлено повседневному тяготам и лишениям, представленным рядом параллельных фраз: *Снег их бьет, жара их мучит...*, замыкающихся ироническим обобщением, создаваемым образом земного шара, движущегося в космическом пространстве: *шар земной на повороте отворачивательно скрипит...* Поэтическое творчество, явленное его земными символами – *Два кузнечика зеленых пишут белые стихи*, – осмысливается как работа великой, «космической» важности, обладающая «вещим» смыслом, проникающим в тайны жизни, природы. Смысл ее «прорывается в века» – в вечность.

В стихотворении Н. Заболоцкого «Гроза» аллегорически представлено возникновение поэтического вдохновения, отражён процесс поэтического творчества. Образ земного шара («круга земного») дан в контексте одухотворённой природы как источника вдохновения:

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновения,
Человеческий шорох травы, вещей холод на тёмной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появленье
Первых дальних громов – первых слов на родном языке.
Так из тёмной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.
А она над водой над просторами *круга земного*,
Удивлённая, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвётся цветы.

В стихотворении В. Луговского «Заблик запел» передается вдохновенное восприятие поэтом жизни в её «голубой бесконечности» через олицетворённо-аллегорическую «каждую клеточку шара земного»:

Видишь всю землю, рождённую снова.
Всё, что забылось, – встаёт наяву.
Каждая клеточка *шара земного*
Тайно тебе говорит: я живу!
Жизнь голубой бесконечностью манит.
Где же предел? Мне не виден предел.

В стихотворении Б. Окуджавы «Рифмы милые мои...» предстает олицетворенный образ динамики поэтического творчества, организующим центром которого служит *шар земной, вскрикнувший на повороте*:

Рифмы милые мои,
баловни мои,
гордячки!
Вы – как будто соловьи
из бессонниц и горячки,
вы – как музыка за мной,
умопомраченья вроде,
вы – как будто *шар земной*,
вскрикнувший
на повороте.

В стихотворении «Чувство жизни» Б. Пастернак воспел вдохновенное творчество, приобщающее поэта к вечности, уничтожающее грань между жизнью и смертью, дающее ощущение сопричастности сотворению мира:

Со мной сегодня вечность вся.
Вся даль веков без покрывала.
Мир Божий только начался.
Его в помине не бывало.
Жизнь и бессмертие – одно.
Будь благодарен высшим силам
За приворотное вино,
Бегущее огнем по жилам.

В своем программном стихотворении «Быть знаменитым некрасиво» Б. Пастернак говорит о высшем устремлении творчества поэта:

...так жить, чтобы в конце концов
привлечь к себе *любовь пространства*,
услышать *будущего зов*.

В этом контексте одухотворенное *пространство* – образ человечества в его космическом измерении. Это пространство раздвигается до бесконечности благодаря сообщению ему временной координаты – *будущего зов*.

Идея бессмертия, жизни в вечности, дарованной подвигом, воплощена в образе Неизвестного солдата, к которому обращаются поэты XX в. Неизвестный солдат – собирательный образ воина, павшего в борьбе за Отчизну. В поэме О. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» сама природа – воздух, звезды, безымянная манна дождя – призваны в свидетели и судьи людских деяний и бед:

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Но «земная» могила неизвестного солдата получает вселенское бытие, превращаясь в парящую в космосе «воздушную могилу»:

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой *воздушной могилу*
Без руля и крыла совладать.

Воздушная могила – символ полета в бессмертие. И творческий дух поэта стремится направить, поддержать этот полет как вечную память о подвиге. Но чувство высокого долга, великое дерзание поэта оказывается в неразрешимом противоречии с брэнностью телесной *ласточки хилой, разучившейся летать*. Этот трагический оксюморон – отзвук осознания поэтом трагизма своего земного существования, губительной неразрешимости противоречия высоких помыслов и враждебных, сокрушающих сил, превращающих музу поэта в *ласточку хилую, разучившуюся летать*.

В стихотворении С. Орлова «Его зарыли в шар земной...» также прославлен подвиг неизвестного солдата. Образ зарытого в *земной шар* солдата – аллегория, основанная на пространственной метонимии, обретающая также временное измерение – вечность. Мавзолей-Земля лелеет, хранит вечный покой воина. *Шар земной*, в который *руками всех друзей положен парень... как будто в мавзолей*, – символ бессмертия, вечной памяти в духовном пространстве человечества:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой.
Без званий и наград.

Ему как мавзолей Земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков. –

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

В стихотворении М. Лисянского «Спят неизвестные солдаты» идея жизни в вечности, даруемой неизвестному солдату, передана образами космического полета, «осторожного» вращения Земли, оберегающей вечный сон погибших за родину солдат. Земной почет, освященный дарованным воинам бессмертием, определяет планетарную значимость их подвига:

Вертись, планета, осторожно,
Лети в снегах, лети в дождях.
Спят неизвестные солдаты
На самых главных площадях.

Идея награждения человека бессмертием за его земные подвиги, запечатленная в мифопоэтических картинах мира разных народов, основана на философском осмыслении концептов «жизнь» и «смерть», нашедшем отражение в русской языковой картине мира. В словаре В.И. Даля смерть человека интерпретирована как конец лишь «плотской жизни», «переход к вечной, к духовной жизни» («воскресенье»). В дефинициях концепта «жизнь» в толковых словарях актуализирована сема «движение». Жизнь – все сущее, независимо от факта сознания обладающее формой движения. Жизнь – одна из форм существования материи, но материя существует потому, что «живет», движется. Таким образом, движение является формой и содержанием жизни [Чернейко, Хо Сон Тэ 2001].

В поэзии нашло отражение понимание смерти человека как перехода к вечной жизни, главная сущность которой (форма и содержание) представляется как непрерывное движение, как вечный полет в космическом пространстве. Представление о неразрывной связи окончания земной жизни с переходом к жизни вечной, о самом процессе жизни в вечности, в пространстве космоса передано системой образов стихотворения В. Шефнера «Вечность», в котором концептосфера «Человек – Земной шар – Космос» актуализирована выражением финальных мотивов земной жизни человека:

Когда последняя беда
Опустит свой топор,
Я упаду, как никогда
Не падал до сих пор. <...>
Я буду падать, падать, падать...
И не коснусь земли.
Я врежусь в купол голубой,
В небесные пары,
Я буду прошибать собой
Надзвездные миры.
Сквозь звезды, через темноту,
Через хвосты комет
Я буду падать в высоту
Сто миллионов лет.

Завершающее двустипение – оксюморонный символ – совмещает представление физической смерти, переданное глаголом *падать*, и непосредственного перехода к вечной жизни (см.: *падать*, но – *в высоту*).

В поэтическом дискурсе употребление слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепты времени и пространства, связано с философским осмыслением этих категорий, проявляющемся в наделении данных языковых знаков определёнными смыслами, коннотациями. Поэтический хронотоп, создаваемый языковыми номинациями пространства и вре-

мени, многокомпонентен. Зачастую он совмещает архетипический (мифологический), социально-исторический, философско-гносеологический и психологический аспекты. В поэтическом тексте хромотипично не только актуальное смысловое содержание слов и ФЕ, но и их внутренняя форма; не только смыслы отдельных ФЕ и слов, но и содержание поэтического контекста, представленное строфой, рядом строф, поэтическим произведением в целом.

Неотъемлемой составляющей поэтического хронотопа является космический аспект, рассматриваемая нами концептуальная парадигма «человек – земной шар – Вселенная». Данная концептосфера в русской поэзии служит идее сопричастности человека космическому пространству и времени.

Яркие, оригинальные речевые образы, представленные в поэтическом тексте словами, фразеологизмами, фрагментами текста, организованными как строфы, сверхфразовые единства, а часто – текст в целом, вербализуют, создают концепты и концептосферы, насыщенные, актуализированные широкими жизненными обобщениями, заполняющими концептуальные лакуны как в индивидуальном сознании, так и в картине мира определенной социальной среды, этноса. Стремление к вербализации отдельных признаков концептов, индивидуальных концептов и концептосфер является изначальным, важнейшим стимулом речетворчества, слово- и фразеотворчества и, наконец, художественного, поэтического творчества.

Библиографический список

Аргутинский-Долгорукий А.И. Философия планетаризма. Планетарный разум земной цивилизации / Я.В. Сиверц ван Рейзема (А.И. Аргутинский-Долгорукий). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 2005. 583 с.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Эпос и роман. Санкт-Петербург, 2000. 302 с.

Власов А.С. «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака (сюжетная динамика поэтического цикла и «прозаический» контекст). Кострома, 2008. 208 с.

Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. Москва, 1999. 518 с.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: Флинта: Наука, 2008. 296 с.

Мелерович А.М. Концептуальная парадигма «человек – земной шар – вселенная» как средство выражения космического мироощущения в семантическом пространстве русской поэзии // Фразеология и миропонимание народа: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2 Фразеология и межкультурная коммуникация. Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. С. 225–231.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 456 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 528 с.

Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. Москва: Высш. шк., 1990. 159 с.

Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Авалон: Азбука-классика, 2005. 256 с.

Мокиенко В.М. Фразеология в уровне иерархии языковой системы // *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego / pod red. Janiny Bartoszewskiej, Walerija Mokijenka, Harr'ego Waltera*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. С. 115–122.

Мокиенко В.М. Млечный путь Александра Сергеевича Герда // *Verba magistro: сб. науч. ст. памяти проф. А.С. Герда / отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 216–225.

Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 803 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

Трессидер Д. Словарь символов. Москва: ГРАНД, 1999. 444 с.

Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира // *Филологические науки*. 2001. № 5. С. 5059.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва: Русский язык, 1993. Т. 1: А – Пантомима. 622 с.; Т. 2: Панцирь – Ящур. 560 с.

References

Argutinskij-Dolgorukij A.I. *Filosofiya planetarizma. Planetarnyj razum zemnoj civilizacii* [Philosophy of planetarism. The planetary mind of earthly civilization], Ya.V. Siverc van Rejzema (A.I. Argutinskij-Dolgorukij), 2-e izd. Moscow, Fond “Novoe tysyacheletie” Publ., 2005, 583 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. *Epos i roman* [Epic and Novel]. Saint-Petersburg, 2000, 302 p. (In Russ.)

Chernejko L.O., Ho Son Te. *Koncepty «zhizn'» i «smer't'» kak fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira* [The concepts of “life” and “death” as fragments of the Russian linguistic picture of the world]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 2001, No. 5, pp. 50-59. (In Russ.)

Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1993. Vol. 1: A-Pantomima, 622 p.; Vol. 2: Pancir'-YAshchur, 560 p. (In Russ.)

Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 296 p. (In Russ.)

Melerovich A.M. *Konceptual'naya paradigma «chelovek – zemnoj shar – vseennaya» kak sredstvo vyrazheniya kosmicheskogo mirooshchushcheniya v semanticheskom prostranstve russkoj poezii* [The conceptual paradigm “man – globe – universe” as a means of expressing cosmic worldview in the semantic space of Russian poetry]. *Frazeologiya i miroponimanie naroda: materialy mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 2: Frazeologiya i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Phraseology and the worldview of the people: materials of the international scientific conference: in 2 vols. Vol. 2: Phraseology and intercultural communication]. Tula, Izd-vo Tul. gos. un-ta im. L.N. Tolstogo Publ., 2002, pp. 225-231. (In Russ.)

Melerovich A.M., Mokienko V.M. *Sovremennaya russkaya frazeologiya (semantika – struktura – tekst)* [Modern Russian phraseology (semantics – structure – text): monografiya]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2011, 456 p. (In Russ.)

Melerovich A.M., Mokienko V.M., Yakimov A.E. *Frazeologiya v russkoj poezii XIX–XXI vv. Slovar': opyt leksikograficheskoj sistematizacii upotreblenij frazeologizmov v russkoj poezii* [Phraseology in Russian poetry of the 19th–21st centuries. Dictionary: an attempt at lexicographic systematization of the use of phraseological units in Russian poetry], ed. by V.M. Mokienko. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2016, 528 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Zagadki russkoj frazeologii* [Riddles of Russian Phraseology]. Moscow, Vy'ssh. shk. Publ., 1990, 159 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Zagadki russkoj frazeologii* [Riddles of Russian Phraseology], 2-e izd. Saint-Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ. Saint-Petersburg, 2005, 256 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Frazeologiya v urovnevoj ierarhii yazykovoj sistemy* [Phraseology in the level hierarchy of the language system]. *Frazeologia slowianska i inne plaszczyny systemu jazykowego* [Slavic phraseology and other levels of the language system], ed. by Ja. Bartoszewska, W. Mokienko, H. Walter. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego Publ., 2004, pp. 115-122. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Mlechnyj put' Aleksandra Sergeevicha Gerda* [Milky Way by Alexander Sergeevich Gerd]. *Verba magistro: sb. nauch. st. pamyati prof. A.S. Gerda*, ed. by A.H. Girfanova, S.A. Myznikov. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 216-225. (In Russ.)

Panova L.G. «Mir», «prostranstvo», «vremya» v poezii Osipa Mandel'shtama [„World“, „space“, „time“ in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003, 803 p. (In Russ.)

Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, ACT Publ., Vostok-Zapad Publ., 2010, 314 p. (In Russ.)

Tressider D. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, GRAND Publ., 1999, 444 p. (In Russ.)

Vlasov A.S., «Stihotvoreniya Yuriya Zhivago B.L. Pasternaka (syuzhetnaya dinamika poeticheskogo cikla i «prozaicheskij» kontekst) [„Poems of Yuri Zhivago“ by B.L. Pasternak (plot dynamics of the poetic cycle and „prose“ context)]. Kostroma, 2008, 208 p. (In Russ.)

Volkov Yu.G., Polikarpov V.S. *Chelovek: Enciklopedicheskij slovar'* [Man: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1999, 518 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.